Фотоочерк «Ангел над бастионами безумства»



В объективе моего фотоаппарата обычно отражается мир дикой природы - хрупкий, стремительный и подчиненный лишь инстинкту самосохранения. Но есть места, где сама природа отступает перед величием человеческого замысла. Таким местом для меня стала Сабуровская крепость - грандиозный призрак, затерявшийся в полях Орловской области. Это не просто останки стилизованной под турецкий бастион садовой ограды усадьбы графов Каменских. Это – кирпичная поэма о военной славе, деспотичной любви к искусству и трагической гибели талантов. Именно здесь, среди кирпичной кладки, которой почти три века, я попытался поймать кадр, способный вместить в себя и историю, и легенду, и тихий полет жизни над руинами. Каменские - русский дворянский род, который дал России трёх известных полководцев. С 1797 года род графский. Село Сабурово перешло к Каменским в 1728 году, будучи изъято у опального А.Д. Меньшикова. Сабуровская крепость построена Михаилом Федотовичем Каменским как «памятник во славу русского оружия» в конце XVIII века.

Первый снимок - это дань монументальности и былому великолепию усадьбы. Передо мной возвышается северная крепостная стена с массивной приземистой башней. Утрачены окна и двери, но еще надежны кирпичные стены. У подножия крепости весной скапливается много талой воды и образуется своеобразный пруд, напоминающий о роскошных садах и оранжереях, где когда-то вызревали лимоны и персики для графского стола.

Я ждал полного штиля. И когда гладь воды стала зеркальной, кирпичная твердь словно ушла в бесконечность, удвоив свою мощь. На переднем плане стена и башня выглядят грозно и незыблемо, а в отражении они кажутся призрачными, подточенными временем.

Это напоминает мне о двойственности самой истории графа Михаила Федотовича Каменского. Для Екатерины II и Павла I он был блестящим фельдмаршалом, соратником Суворова, героем штурма Аккермана. В награду за победы над Османской империей он имел право возводить такие «игрушечные» крепости, которые не несли никаких оборонительных функций. Но для крепостных крестьян граф был самодуром, чья жестокость не знала границ, графа боялись и ненавидели. Его кончина, как и жизнь, была ужасна: фельдмаршала зарубил топором собственный дворовый.

Вторую фотографию я сделал, когда солнце ушло за тучи, оставив небо свинцовым и тяжелым. Я подошел вплотную к стене, к её старой трещине. Фактура кладки здесь удивительна. Кирпич, обожженный в печах руками крепостных мастеров, сейчас напоминает окаменевшую древесину - он источен временем. Трещина, зигзагом уходящая вверх, - это не просто разрушение. Она напоминает нам о хрупкости настоящего: все имеет свой конец и свою ценность. Время уходит, и без наших усилий по сохранению крепости, памятник будет разрушен окончательно. Уникальный объект

культурного наследия федерального значения может быть утрачен, а этого допустить нельзя.

Глядя на этот кадр, я вспоминаю историю о том, что прообразом этих стен была турецкая крепость Аккерман, которую штурмовал Каменский. Он так хотел вернуть славу побед, что приказал художникам срисовать твердыни Бендер и Хотина, чтобы воспроизвести башни в усадьбе. Но получился не театр военных действий, а театральная декорация, внутри которой разворачивалась настоящая трагедия. Сотни людей были отданы в собственность одному, как бессловесные вещи - без права, без имени. Этот шрам на стене - как свидетельство жестокой натуры хозяина. Говорят, вход в его кабинет охраняли два пса, загрызавшие чужаков, а провинившихся актеров и слуг пороли прямо во время репетиций. Стены помнят стоны. И эта трещина - как немой крик, застывший в кирпиче.

И, наконец, третий, самый сокровенный кадр. Я зашёл внутрь одной из угловых шатровых башен. Там когда-то, по преданиям, томились плененные черкесы и, по одной из легенд, даже провел ночь сам Емельян Пугачёв, которого везли на казнь в Москву. Под сводами гуляет сквозняк, чувствуется терпкий запах сырости. Свет падает сверху, через окна. Вдруг я услышал воркованье, эхом раздающееся в стенах башни, и направил объектив вверх. На фоне кирпичного купола пролетел голубь. Его белые крылья, подсвеченные резким лучом, вспыхнули на мгновение. Он парил, вписанный в композицию как живой витраж. Было в этом нечто мистическое. Птица - ангел Сабуровской крепости. Ангел, который когда-то спустился в это место в образе искусства.

Эта крепость подарила миру не только жестокость, но и первый в Орле Крепостной театр графа Сергея Михайловича Каменского. Сын фельдмаршала, промотавший состояние на сцене, создал один из лучших театров России, где пели, танцевали и играли гении, закованные в цепи. Николай Семёнович Лесков – великий русский писатель, родившийся в Орловской губернии, увековечил этот «театр-тюрьму» в своём произведении «Тупейный художник», трудно сдержать слезы от судьбы ее героев.

По воле хозяина актеров забивали до смерти шпицрутенами за ошибки в монологах. Хотя есть в истории крепостного театра и чудо. Перед смертью, оставшись нищим, граф Сергей Каменский дал своим актерам вольную. Он выпустил птиц из клетки. Голубь с белыми крыльями, парящий над руинами театральной пристройки, - это символ освобождения. Это души тех крепостных актеров и музыкантов, которые, несмотря на плети, дарили людям красоту.

Я привык искать гармонию в лесах и полях. Но здесь, в Сабуровской крепости, я нашел дикую, необузданную силу человеческой натуры. Это место - памятник не только военной славе. Это памятник русскому парадоксу: умению создавать величайшую красоту жесточайшими методами. Мои три фотографии — это три главы одной повести. О грандиозном замысле, о падении, и о вечном полете. Над старыми бастионами летают ангелы в обличье голубей, в трещинах растет трава, а вода отражает небо — крепость жива. Жива для нас, и должна сохраниться навечно. Я надеюсь, что в ближайшее время будут предприняты меры по ее восстановлению и готов поработать волонтером. Великий народ должен хранить свою историю.